

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Конец XVII—первая четверть XVIII века в России были временем ускоренного социально-экономического и политического развития, временем реформ и преобразований, связанных с именем Петра I, во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Петровская эпоха положила начало европеизации России. Промышленность, наука, техника, просвещение стали развиваться на научной основе быстрыми темпами. Были созданы первые публичная библиотека, массовый театр, Академия наук, военные и профессиональные школы, университет, музеи, светские типографии, новый алфавит, обсерватория, организованы первые научные экспедиции.

Все это не могло не сказаться на развитии литературы, которая приобрела качественно новые черты — черты литературы нового времени.

Советская наука, исходя из основополагающих указаний Маркса, Энгельса, Ленина, по существу заново разработала историю этого периода, в том числе и историю литературы. Было критически пересмотрено наследие дореволюционной науки о литературе, достижения ее усвоены и развиты, а устаревшие воззрения заменены новыми, марксистско-ленинскими. Так, например, утверждение старой науки, будто бы все наиболее значительные явления русской литературы XVIII века были следствием подражания и рабского копирования европейских образов, было отброшено как ненаучное.

В 70-е годы заметно возросло внимание к литературным явлениям Петровской эпохи.¹ Это было связано в большой

степени с 300-летием со дня рождения Петра I (1672—1722), широко отмечавшимся научной общественностью в СССР и за рубежом.² В нашей стране появилось немало интересных книг, журнальных статей и специальных сборников, освещающих различные проблемы литературы, философии и искусства Петровского времени.

Литература эпохи Петра I сыграла значительную роль в историко-литературном процессе России вообще и в создании национальных основ русской литературы нового времени в частности. Неудивительно поэтому, что современное реакционное зарубежное литературоведение предпринимает попытки преувеличить западничество Петра I, доказать, что литература тех лет была несамостоятельной, подражательной, что Россия «первооружалась» на рельсах «европеизации» и т. д. Но только глубокое изучение художественных ценностей, созданных в эпоху Петра I, позволит объективно оценить своеобразие литературы этого времени. Сейчас наступил именно такой период в исследовательской работе. Главным предметом настоящего обзора станут пока не решенные и спорные проблемы истории литературы Петровской эпохи, поднятые в литературоведческих трудах 1970-х годов.

в кн.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенин. Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1968.

² См.: Graсraft J. The tercentenary of Peter The Great in Russia. — Canadian-American slavic studies (Montreal), 1974, vol. 8, № 2, p. 319—326. Этот номер журнала «Canadian-American slavic studies» целиком посвящен Петру I и его эпохе.

¹ Научные работы о литературе Петровской эпохи до начала 1967 года учтены

Наш обзор уместно начать с Петра I, т. е. с того, чье имя дало название целой эпохе. «Действительно великий человек», — сказал о нем один из основоположников научного коммунизма Ф. Энгельс.³

Многогранен образ Петра I в русской литературе. Его жизнь, поведение начали обсуждаться еще до начала преобразований. Игумен подмосковного Андреевского монастыря Авраамий между 25 декабря 1696 года и 7 января 1697 года передал Петру I свое послание, в котором обвинял его в увлечении забавами и играми и в отходе от государственных дел, что привело к злоупотреблениям боярского правления. Авраамия сослали в Голутвин монастырь. В отличие от историографической традиции, рассматривавшей андреевского монаха как противника петровских преобразований, М. Я. Волков полагает, что Авраамий — патриот, враг бояр, указавший на ошибки в управлении государством и на средства их исправления.⁴

Идеализированный образ царя-плотника начал создаваться уже в среде сподвижников и друзей преобразователя. За три столетия в науке и художественной литературе накопился огромный материал о нем.⁵

Восприняв тему Петра у XVIII века, Пушкин в своем незавершенном труде «История Петра Великого» с большой глубиной раскрыл противоречивый характер русского царя, — с одной стороны, великого исторического деятеля, наделенного незаурядными чертами, а с другой — «самовластного помещика».

Книгу, посвященную эволюции художественных взглядов Пушкина при его обращении к теме Петра I, написал французский исследователь Виктор Арминьон.⁶ Он поставил перед собой задачу не только проследить этапы этой эволюции, но и определить сравнительную ценность произведений великого поэта, входящих в «петровский цикл» (здесь и «Арап Петра Великого», и «Полтава», и «Моя родословная», и «Медный всадник», и «История Петра»). Но французский исследователь скорее пересказывает содержание пушкинских произведений, чем анализирует их. Биографические данные, привлекаемые им

как бы попутно, не помогают проникновению в творческую лабораторию поэта и не позволяют уяснить, в чем же состояла эволюция во взглядах поэта на великого преобразователя. Последнюю вряд ли можно свести к переходу от «портретной стилизации в мифологической манере» к «выражению повседневной жизни». Неосвященными в монографии остались также историзм и народность пушкинской оценки Петра I.

В советском литературоведении тема Петра I в творчестве Пушкина нашла полное и методологически верное истолкование в работах Н. В. Измайлова.⁷ Как верно отметил исследователь, двойственное отношение к деятельности Петра I отразилось уже в «Заметках по русской истории» (1826). В дальнейшем Пушкин вновь обратился к этой теме в программных «Стансах»: Петр, «не презиравший страны родной», явно противопоставлен Александру I. В «Арапе Петра Великого» Пушкин пытался понять Петра вне политических концепций, воспользовавшись методом романистики Вальтера Скотта. Наиболее полно размышления Пушкина о роли Петра в политической и культурной истории России были реализованы в «Медном всаднике», где деяния Петра-самодержца оправдываются всем неизбежным ходом истории.

В советской литературе образ Петра I во всей своей художественной глубине и жизненной противоречивости отразился в эпопее Алексея Толстого «Петр I», в романах Е. А. Федорова «Каменный пояс», Ю. П. Германа «Россия молодая», А. М. Волкова «Два брата», А. И. Соколова «А. И. Меншиков», в рассказах и повестях С. П. Алексеева, К. И. Коничева, М. М. Пришвина, Л. В. Рубинштейна, Г. П. Штурма, в стихотворной балладе В. И. Жилкина. Однако в советской литературоведческой науке до сих пор отсутствует обобщающий труд, в котором были бы освещены и проанализированы способы изображения великого преобразователя в художественной литературе. Работы Е. Ф. Шмурло на эту тему давно устарели.⁸

⁷ Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой». — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 5—124. Изложение доклада Н. В. Измайлова «Петр I в творчестве Пушкина», сделанного в ИРЛИ 1 июня 1972 года, см.: Русская литература, 1973, № 1, с. 236—237.

⁸ Шмурло Е. Ф. 1) Петр Великий в русской литературе. СПб., 1883; 2) Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I (XVIII век). СПб., 1912. Ср.: Wilberger C. Peter The Great: an eighteenth-century hero of our times? — In: Studies on Voltaire and the Eighteenth century, vol. 96 (1972), p. 9—127. Недавно в США вышла в свет монография проф. Ксении Гансиоров-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 20.

⁴ Волков М. Я. Монах Авраамий и его «Послание Петру I». — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 311—336.

⁵ См.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. . . с. 476 и след.

⁶ Arminjon V. Pouchkin et Pierre le Grand. Paris, 1971, 278 p. (Collection études russes, vol. IV).

К художественной литературе примыкает и научная беллетризованная биография. Опыты последней принадлежали историкам М. М. Богословскому (Петр Первый. Материалы для биографии, тт. 1—5. М., 1940—1948) и В. В. Мавродину (Петр Первый. Л., 1945; 2-е изд. — 1948).⁹ В 70-е годы биографию Петра I с учетом новейших достижений советской науки написал историк Н. И. Павленко. Его «Петр Первый», дважды изданный «Молодой гвардией» в серии «Жизнь замечательных людей»,¹⁰ привлек к себе внимание широкой общественности. Написанная энергичным, выразительным языком, книга Н. И. Павленко дает читателю яркое представление о жизни и деятельности Петра I, его помощников и сподвижников, показывает пути формирования характера великого преобразователя.

Исследованию социально-экономических взглядов Петра I посвящена статья Н. И. Павленко «Петр I (к изучению социально-политических взглядов)» в сборнике Института истории СССР АН СССР «Россия в период реформ Петра I. Сборник статей» (М., 1973). Роль первого заграничного путешествия в формировании художественных вкусов Петра Великого освещена в посмертном труде В. Ф. Левинсона-Лессинга, напечатанном в сборнике «Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования» (Л., 1977, с. 5—36).¹¹

Петр I не оставался в стороне от историографии и публицистики своего времени: он участвовал в составлении и редактировании «Ведомостей», «Рассуждения о причинах швейцарской войны» П. П. Шафирова, «Журнала, или Поденной записки», «Истории Швейцарской войны», задавал темы и идеи придворным проповедникам Прокоповичу и Бужинскому, заказывал переводы европейских исторических, географических, экономических

и естественнонаучных сочинений. В 1724 году Петр I сочинил «Указ трудолюбивым в переводе экономических книг», в котором требовал от переводчиков точного, ясного, удобочитаемого перевода. «Петр как личность, — пишет Д. С. Лихачев, — был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Это человек барокко со всеми его противоречивыми чертами. Уточняя, мы могли бы сказать, что Петр был порождением русского барокко конца XVII в., в котором особенно сильны были ренессансные явления — с их склонностью к просветительству и реформаторству, к восприятию научного отношения к миру, чувствительность к западным европейским влияниям, со склонностью к известному барочному „демократизму“, к синтезу наук, ремесел и искусств, к типичной для русского барокко энциклопедичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи героических событий и поступков и т. д. Даже само представление Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанное им в его речи при спуске корабля „Полтава“, — было типично барочным».¹²

Неиссякаемый источник наших знаний о Петре — это документы, вышедшие непосредственно из его рук. Большое значение поэтому имеет издание много томной серии «Писем и бумаг императора Петра Великого», начавшей выходить еще в 1887 году. К настоящему времени Академией наук издано 12 томов, из них 6 в советское время, в том числе последний, 12-й том, вышедший в свет двумя выпусками — в 1975 и 1977 годах.¹³ Письма донесли до нас деловой, разговорный язык эпохи, сочную лексику и меткую народную фразеологию «эпистолярный» Петра I. Отдельные его шуточные письма-довесния и челобитные князю Ф. Ю. Ромодановскому сближаются с пародийной и сатирической литературой. «Письма и бумаги императора Петра Великого» до сих пор остаются ценным источником и по истории заимствованных слов в русском языке в Петровскую эпоху. На эту тему написано немало научных трудов и защищен ряд диссертаций как у нас, так и за рубежом.¹⁴

¹² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры. — Новости ЮНЕСКО, 1975, № 1, с. 15. Уточним: корабль назывался не «Полтава», а «Святая Екатерина» (БАН, 31.4.17, л. 106 — записи Ивана Нестетурана).

¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 12, вып. 1. Январь—июнь 1712 г. Ред. коллегия: Л. Г. Бескровный и др. М., 1975, 589 с.; т. 12, вып. 2. Июль—декабрь 1712 г. М., 1977, 630 с.

¹⁴ См., например: Гайнуллина Н. И. Заимствованная лексика в «Письмах

ской: Gasiogowska Xenia. The image of Peter The Great in Russian fiction. Madison, University of Wisconsin press, 1979.

⁹ Образ Петра I отразился в двух новых трудах В. В. Мавродина «Петр I и Петровская эпоха в оценке нашего современника» (Л., 1972) и «Основание Петербурга» (Л., 1978).

¹⁰ Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975, 384 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»; 2-е изд. — М., 1979).

¹¹ Попутно укажем, что вопросам истории искусства Петровской эпохи посвящены два сборника Всесоюзного научно-исследовательского института искусствоведения, изданные под редакцией Т. В. Алексеевой: «Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования» (М., 1974) и «Русское искусство барокко. Материалы и исследования» (М., 1977).

О широте и разносторонности культурных интересов Петра Великого можно судить по подбору книг его библиотеки, хранящейся в фонде Библиотеки Академии наук СССР.¹⁵

Что касается зарубежных работ о Петре I, то в библиографических трудах Р. И. Мицклова и А. Л. Гольдберга их учтено более 1300.¹⁶ В 60—70-е годы XIX века книги о Петре I и его эпохе выходили в свет на английском, венгерском, немецком, польском, французском, финском, чешском, шведском языках. Перечислим здесь имена зарубежных исследователей — авторов книг о Петре: М. С. Андерсон (1969; 1978), Т. Андерсон (1962), В. Е. Батлер (1974), Б. Дмитришин (1974), С. Бланк (1974), Д. Крейк-рафт (1971), Р. Виттрам (1964), Я. Грей (1970), Ю. Лакхеро (1970), Э. Нидерхойзер (1967), Л. Дж. Олив (1969), П. Порталь (1961), П. Б. Трутман (1973), М. Разфф (1963; 1971), Х. Роггер (1969), В. А. Серчик (1973), О. Хайнц (1962), В. Черны (1964). Типичная среди них — книга профессора Сорбонны Симона Бланка «Pierre le Grand» (Paris, 1974, 128 p.). Она состоит из проблемного популярного очерка под названием «Прогресс или варваризация?» и текстов из русских документов и из разных книг в переводе на французский язык.

* * *

В 1903 году В. В. Сиповский, говоря о значении Петра Великого в создании

и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1973, 24 с.; В е r g R. Die Abstrakta auf -nie/-tie, -ka/-ok, -ost', -stvo/-stvie, -ie/-be in den «Pisma i bumagi» Peters des Grossen. München, 1978, 352 S. (Slavistische Beiträge, Bd. 126).

¹⁵ См.: Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Сост. Е. И. Боброва. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. 214 с. (БАН СССР); Иванова И. Ф., Орлова Л. Н. Библиотека Петра I. (К открытию выставки в Отделе рукописной и редкой книги БАН СССР). — В кн.: Книга-24. М., 1972, с. 191—197.

¹⁶ См.: Мицлов Р. 1) Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Публичной библиотеке в С.-Петербурге. СПб., 1872; 2) Supplement de Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St.-Petersbourg, 1882; Гольдберг А. Л. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГИП им. Салтыкова-Щедрина, вып. 2. Образование Российской империи (1682—1725). Л., 1966. Разбор некоторых зарубежных работ о Петре I см. в кн.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976, с. 412—428.

новой русской литературы, напомнил слова А. И. Герцена: «Петр Великий сделал вызов России, и она ответила ему Пушкиным».¹⁷ Литература, порожденная эпохой Петра I, не была им создана, но ее развитие зависело от него в той мере, в какой за время преобразований ему удалось изменить жизнь и быт русского народа. Вспомним Пушкина: «Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не влюбил Тагичева за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Семена были посеяны. . . Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться».¹⁸ Иными словами, новая социально-экономическая и политическая обстановка в стране вызвала к жизни нового социального человека, которому была нужна и новая в социальном и идейно-эстетическом отношении литература. И такая литература была создана в первые годы XVIII столетия. Это была ораторская проза, виршевое стихотворство и драматургия Феофана Прокоповича, ораторская проза Гавриила Бужинского и Стефана Яворского, драматургия преподавателей и воспитанников Славяно-греко-латинской академии, Ростовской и Новгородской семинарий, Гощпитальной школы, описания торжественных дней и празднеств и т. п. Это было словотворчество сподвижников Петра, а также деловой, приказной среды и мелкого чиновничества, нового духовенства, порожденного обстановкой преобразований, рукописные «петровские повести» и книжная панегирическая поэзия, обширное историческое повествование и публицистика.

С середины XIX века с легкой руки академика М. И. Сухомлинова литературу Петровской эпохи стали называть «литературой переходного времени конца XVII и начала XVIII века».¹⁹ Это определение было подхвачено П. Н. Берковым и другими литературоведами. В статье «Задачи изучения переходного периода русской литературы (от древней

¹⁷ Сиповский В. В. Значение Петра Великого в истории русской литературы. — В кн.: Петр Великий. Сборник статей, составленных преподавателями Петровского училища. СПб., 1903, с. 107—151. Ср.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. VII. М., 1956, с. 170—192.

¹⁸ Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI. [Л.], 1949, с. 269.

¹⁹ Сухомлинов М. И. Литература переходного времени — конца XVII и начала XVIII века. — Журнал Министерства народного просвещения, 1862, № 4, отд. II, с. 34—70. То же в кн.: Сухомлинов М. И. Исследования по древнерусской литературе. СПб., 1908, с. 548—592.

к новой)»²⁰ П. Н. Берков прежде всего останавливается на вопросе, почему произошло разделение истории русской литературы на древний и новый периоды и почему возникла проблема литературы «переходного периода». Опираясь на высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, П. Н. Берков справедливо пишет: «Таким образом, то, что обычно признавалось результатом реформаторской деятельности Петра, на самом деле представляло собою процесс вовлечения России „в сеть мирового рынка“ со всеми вытекавшими отсюда последствиями, — неизбежным приоритетом старой национальной культуры к тому уровню европейской, т. е. буржуазной цивилизации, который образовался к концу XVII—началу XVIII в. у наших западных соседей. Естественно, это положение распространяется как на материальное, так и на духовное производство, в том числе и на литературу. Другими словами, русская литература переходного периода — это литература периода вовлечения России в мировой рынок, в международные экономические и политические отношения, в европейскую, буржуазную цивилизацию».²¹

П. Н. Берков отмечает три главные задачи, вставшие перед литературой «переходного периода»: 1) «неизбежность полного отказа от некоторых разделов литературы древнего периода»; 2) «необходимость перестройки разделов, оказавшихся жизнеспособными, т. е. нужными народу для дальнейшего литературного развития»; 3) «обязательность восприятия... материала европейских литератур».²² Здесь намечены существеннейшие аспекты характеристики историко-литературного процесса Петровского времени, к сожалению не нашедшие до сих пор достаточной научной разработки.

Не изучены до сих пор и признаки типа новой русской литературы в его отличии от типа русской литературы XVII века и от типа русской литературы конца X—конца XVI века. Лишь В. П. Адрианов-Перетц на конкретных примерах удалось показать происхождение гражданской поэзии XVIII века.²³ П. Н. Берков считает ее подход «методологически правильным и исключительно плодотворным».²⁴ В другой своей работе

на ту же тему²⁵ П. Н. Берков подробно останавливается на «позиции» Д. С. Лихачева (называя ее «логически стройной», «диалектически гибкой», отличающейся «широтой постановки вопроса»), рассматривавшего сложение национальных черт в русской литературе X—XVII веков в неразрывной связи с классовой борьбой народа против феодалов.

Один из нерешенных вопросов — проблема определения места переходной эпохи в общем ходе историко-литературного развития. Д. С. Лихачев, отстаивая суждение о цельности всего историко-литературного процесса XIV—XIX веков (высказанное еще А. Н. Пыпиным, Ф. И. Буслаевым, Н. С. Тихоновым), замечает: «В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой „осознания“ совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры».²⁶ Западное влияние в русской литературе и культуре в целом, подчеркивает Д. С. Лихачев, «которое казалось ранее причиной перехода русской культуры на новые рельсы, на самом деле было следствием этого перехода».²⁷ Отбросив миф о том, что Петр I был демиургом новой русской литературы, Д. С. Лихачев решительно отвергает и другой миф. «Действительно ли Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией? Действительно ли культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси?» — спрашивает Д. С. Лихачев и отвечает: «Нет, ничего подобного!» Литература Петровской эпохи была подготовлена всем ходом развития русской культуры XVII века. Последний и был тем мостом, который связывал древний и новый периоды истории русской литературы.²⁸ Петра еще не было на свете, когда новые явле-

²⁵ Берков П. Н. О литературе так называемого переходного периода. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971, с. 19—32.

²⁶ Лихачев Д. С. Была ли эпоха петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978, с. 174.

²⁷ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры, с. 13.

²⁸ Там же, с. 12. Вместе с тем Д. С. Лихачев подчеркивает во многих своих трудах, что «петровская эпоха... это перерыв в движении литературы, остановка... Это самая „нелитературная“ эпоха за все время существования русской литературы. В это время не возникло значительных произведений литературы и не изменился ее характер» (см.: Лихачев Д. С. 1) В чем суть различий между

²⁰ Берков П. Н. Задачи изучения переходного периода русской литературы (от древней к новой). — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 12—19.

²¹ Там же, с. 16.

²² Там же, с. 17.

²³ Адрианов-Перетц В. П. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур. — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, с. 427—447.

²⁴ Берков П. Н. Задачи изучения переходного периода русской литературы, с. 13.

ния русской литературы властно заявили о себе. Д. С. Лихачев отмечает шесть путей от древней к новой русской литературе: 1. Развитие от великих стилей эпохи к литературным течениям. 2. Постепенное снижение прямолинейной условности искусства и замена ее более сложными формами условности. 3. Увеличение в литературе «сектора свободы». 4. Возрастание личностного начала в литературе. 5. Расширение социальной среды литературы. 6. Расширение мировых связей литературы.²⁹ В книге «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» (1973) Д. С. Лихачев подробно раскрывает содержание каждой из названных шести линий развития.

Некоторые новые явления в русской литературе начала XVIII века и отношение их к древнерусской литературе привлекли также внимание Э. С. Литвина:³⁰ завершение борьбы за обмирщение литературы и выдвижение печатной книги на первый план (учебной, богослужебной и художественной); создание гражданского шрифта и издание газет и журналов; появление профессиональных писателей, борющихся за право служения исключительно литературе.

В. И. Попков считает, что «нередко новизна литературного процесса XVIII в. характеризуется не столько в сравнении, сколько в противопоставлении древней русской литературе, далеко не в пользу последней. На самом же деле, в XVIII в. проявляется исключительное внимание к культурным завоеваниям прошлого».³¹ Тематика произведений литературы XVIII века — Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Карамзина — зависит от исторической тематики древнерусской литературы. В. И. Попков полагает, что петровские повести продолжают линию развития «бытовой повести» XVII века, панеги-

ризму XVIII века предшествует панегиризм XVII века, а фольклоризм пронизывает собой всю литературу Петровского времени, как и в предшествующие эпохи.³² Серьезное и глубокое проникновение в существо этой проблемы еще впереди. Над нею работает, в частности, Г. Н. Моисеева. Недавно она завершила книгу «Древнерусская литература в художественном сознании и научной мысли XVIII века».³³

В переломную эпоху, в период перестройки всей литературы на новой, чисто светской основе, пригодился и многовековой опыт русского фольклора. Отношению фольклора к литературе Петровского времени посвятила свое исследование Г. Н. Моисеева.³⁴ К фольклорным жанрам обращались авторы повестей о Василии Кариотском, о дворянине Александре и о Ярополе. Записи были превращались в книжные произведения типа богатырских сказок. Поэты Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский использовали украинскую народную силлабiku для религиозного осмысления действительности, включающего патристическую идеологию и аскетическую трактовку жизни. Книжная панегирическая поэзия смыкалась с народной лирической песней, а драматургия Петровского времени испытала влияние игрищ в интермедиях. «Но одновременно с художественными накоплениями первых десятилетий XVIII в., — констатирует Г. Н. Моисеева, — можно говорить и о художественных потерях, которые сопровождали эту эпоху. . . Выход за пределы древнерусской литературы прервал великодушные традиции, накопленные ею за девять веков непрерывного развития, — обращения к темам национально-исторического значения, ее гражданственность и патриотизм».³⁵

«Художественные выигрыши», однако, были, на наш взгляд, гораздо ощутимее потерь. Средневековая по типу литература отступила, чтобы дать дорогу литературе нового времени, многородовой и многожанровой, литературе ярких и свободных писательских индивидуальностей, разнообразных светских стилей и языка. Пока литература не перешла в салоны, фольклор не отступил из нее. Сказка влияет на повесть, предание — на исторические труды, песня — на книжную поэзию. Отдельные жанры фольк-

древней и новой русской литературой. — Вопросы литературы, 1965, № 5, с. 184; 2) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 20 (изд. 3-е, доп. — М., 1979, с. 18). С полемическим замечанием по поводу этого тезиса выступила Л. И. Кулакова («Русская литература», 1967, № 1, с. 222).

²⁹ Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971, с. 73—101.

³⁰ Литвин Э. С. Древняя русская литература и русская литература XVIII века. Методическое пособие для студентов заочного отделения факультета массовых и научных библиотек. Л., 1973.

³¹ Попков В. И. О традициях древней русской литературы в литературе XVIII века. (К вопросу о преемственности в изучении этих курсов в вузе). — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века, вып. 2. Л., 1976, с. 149.

³² Там же, с. 148—155.

³³ В печати. В книге три главы: «Памятники древнерусской литературы в изданиях и исторических сочинениях XVIII в.»; «Драматургия XVIII века на темы древнерусской литературы»; «Героическая поэзия XVIII в. и литература Древней Руси».

³⁴ В кн.: Русская литература и фольклор. (XI—XVIII вв.). Л., 1970, с. 87—105.

³⁵ Там же, с. 104.

лора Петровской эпохи продолжают интересоваться современными исследователями. Так, например, Л. И. Емельянов обратился к исторической песне,³⁶ а А. Ф. Некрылова — к преданию.³⁷

О необходимости изучения судьбы рукописной книги в Петровскую и послепетровскую эпохи писали многие исследователи.³⁸ Однако после изданной посмертно книги М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века» (М., 1963) дело мало продвинулось вперед. Отсутствует полный библиографический учет сохранившихся рукописей Петровской эпохи, не изучено соотношение рукописей «высокой» и массовой литератур в первую четверть XVIII века.

Малоизученной остается лубочная литература, тесно связанная в конце XVII — начале XVIII века с повестью, народной драматургией и стихотворством.³⁹ Более изучена печатная книга Петровского периода; сделаны весьма вероятные предположения относительно соотношения печатной и рукописной книги в Петровскую эпоху.⁴⁰

³⁶ Емельянов Л. И. Русские исторические песни XVIII века. — В кн.: Исторические песни XVIII века. Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, с. 7—19.

³⁷ Некрылова А. Ф. Предания и легенды, оразившие военные события Петровского времени. — В кн.: Русский фольклор, XIII. Л., 1972, с. 103—110.

³⁸ Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Л., 1971, с. 87—103; Бегунов Ю. К. Рукописная литература XVIII века и демократический читатель (проблемы и задачи изучения). — Русская литература, 1977, № 1, с. 121—132.

³⁹ Интересный материал по вопросу о связи лубка и литературы этого времени можно найти в следующих трудах: Klerikov S. A. Russian block books of the seventeenth and eighteenth centuries. — In: The Papers of the Bibliographical society of America, vol. 65. New York, 1971, p. 213—224; Болдина О. Д. Русские народные картинки. М., 1972; Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). Материалы научной конференции под общей ред. И. Е. Даниловой. М., 1976.

⁴⁰ Лупцов С. П. 1) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; 2) Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалети XVIII в. (проблема сосуществования). — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 182—192; Моисеева Г. Н. К проблеме взаимодействия рукописной и печатной литературы в России XVIII века. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Тезисы докладов. М., 1974, с. 16—17.

Суммарную характеристику литературы Петровской эпохи с учетом новейших достижений советской науки мы встречаем в учебниках и хрестоматиях по русской литературе XVIII века. В учебнике для будущих литературоведов, написанном О. В. Орловым и В. И. Федоровым, дается сжатая, но точная характеристика литературы начала XVIII века в разделе «Литература Петровской эпохи. Первая четверть XVIII века».⁴¹ Особо выделен очерк о Феофане Прокоповиче как ярчайшем писателе предклассицизма (с. 29—38). Некоторые итоги подведены в разделе «Предклассицизм начала века» (с. 38—43), в котором отличительные черты литературы начала XVIII века определяются как предклассицистические.

Беспорную характеристику Петровской эпохи мы найдем в статье Г. П. Макогоненко «Пути литературы века», предваряющей антологию «Русская литература XVIII века» (Л., 1970), ценные замечания — в хрестоматии В. А. Западова «Русская литература XVIII века. 1700—1775» (М., 1979). Отдельные меткие оценки беллетристики того времени встречаем в 63-м томе «Библиотеки всемирной литературы», посвященном русской прозе XVIII века.

Профессор Тимишоарского университета (Румыния) Альфред Хейнрих издал на русском языке курс своих лекций по истории литературы XVIII века.⁴² В нем новейшие разработки советских литературоведов учтены в разделе «Главные характеристики русской литературы XVIII века» (с. 3—11). В разделе «Идеология, литературные направления и публицистика XVIII века» (с. 12—38) характеризуется русское просветительство и место в нем Петровской эпохи, кратко рассказывается об авантюрно-любовных повестях, о стихотворстве, о драматургии, о Феофане Прокоповиче. Другой преподаватель Тимишоарского университета И. Джурчик опубликовал учебные материалы по древнерусской литературе и русской литературе XVIII века.⁴³ Такой же учебный характер носят лекции, изданные лодзинским профессором З. Рыгером.⁴⁴

В первом томе польской академической «Русской литературы» 1-й раздел 2-й части посвящен «Начаткам новейшей литературы российской (1640—1730)».⁴⁵ Его

⁴¹ Орлов О. В., Федоров В. И. Русская литература XVIII в. М., 1973, с. 7—43.

⁴² Хейнрих А. История русской литературы. XVIII век. Тимишоара, 1976.

⁴³ Gyurcsik I. Istoria literaturii ruse (secolele X—XVIII). Note de curs, modele de analiza literara, teme pentru lucrări de seminar, texte comentate, bibliografii. Timișoara, 1979.

⁴⁴ Ryter Z. Historia literatury rosyjskiejie XVIII w. Łódź, 1970.

⁴⁵ Literatura rosyjska. Podręcznik, t. I. Warszawa, 1970, s. 171—187. См. рец.

автор В. В. Якубовский изложил только известные историко-литературные факты без теоретических новаций. Другое дело «Русская литература в очерках», изданная в Польше в 1975 году.⁴⁶ Автор раздела «Эпоха барокко» Т. Колаковский пишет о том, что «время Петра начинается в истории культуры тот этап развития барокко, который в специальной литературе фигурирует как „классическое барокко“» (с. 113). Оно предшествует классицизму и подготавливает его, если иметь в виду, что Россия испытала воздействие не только польской культуры, но и голландской, немецкой, французской. Обзор литературы ведется по следующим разделам: «Общий обзор», «Публицистика» (Посошков и Татищев), «Эпика» (петровские повести), «Театр и драматургия», «Лирика» (Дмитрий Ростовский, Иоанн Максимович, Стефан Яворский, Феофан Прокопович).

Недавно в Англии вышла в свет и первая английская «История русской литературы XVIII века».⁴⁷

К общим обзорам курсов «Истории литературы» примыкает статья Г. Н. Моисеевой «Проблемы становления новой русской литературы».⁴⁸ Основываясь на работах Д. С. Лихачева, ленинградская исследовательница пишет о влиянии на формирование русской литературы первой четверти XVIII века древнерусской литературы, испытавшей во второй половине XVII века, в свою очередь, сильное воздействие литературы польско-украинского барокко. В своих построениях Г. Н. Моисеева идет дальше Д. С. Лихачева. «Совмещение в России второй половины XVII в. Возрождения и барокко при преобладающем воздействии ренессансных явлений определило своеобразие развития литературы. . . Россия второй половины XVII в. подошла к последующей эпохе на большом подъеме, освоив духовную культуру Возрождения. Общественные и культурные преобразования первых десятилетий XVIII в. при всей их кажущейся неожиданности потому в сущ-

ности и смогли быть осуществлены, что они выросли на могучем гуманистическом движении, подготовившем преобразования Петровского времени», — утверждает Г. Н. Моисеева.⁴⁹ Но нельзя забывать о диком произволе самодержавия, о разгуле крепостничества во второй половине XVII—начале XVIII века. Нельзя забывать и о том, что это было время ожесточенной классовой борьбы — великих крестьянских войн и городских восстаний. Нельзя также забывать, что петровские реформы проводились за счет крестьян и рабочих людей, которых нещадно эксплуатировали. Поэтому было бы желательно уточнить, что подразумевается под «могучим гуманистическим движением» в Петровскую эпоху.

А. М. Панченко и другие исследователи высказываются более осторожно. Они говорят о раннем русском просветительстве, вклад в который внесли Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карцион Истомин, Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский и др. Поэты и драматурги знали античных классиков от Гомера и Демосфена до Вергилия и Цицерона, но не хотели слышать о Декарте и Бэкоме. Они считали себя наследниками гуманистов. «Но в России, не знавшей Ренессанса, — пишет А. М. Панченко, — их роль была иной: они принесли сюда некоторые идеи гуманистов, хотя и в барочной форме, вдобавок окрашенной провинциализмом».⁵⁰ Интересные суждения на этот счет принадлежат ученому из ГДР Х. Шмидту. Говоря о том, что «новые идейно-эстетические элементы в литературе классицизма и вообще в литературе XVIII в.» нередко объясняются только «положительным наследством и пафосом петровских реформ или же влиянием других факторов, например Возрождения», Х. Шмидт замечает: «Довольно часто классицизм и вся литература XVIII в. рассматриваются в чисто литературно-эстетическом плане, т. е. в отрыве от социально-экономического развития общества. Дело, конечно, не в том, чтобы смягчить или приукрасить тот дикий произвол самодержавия и крепостничества, который господствовал в России XVIII в. Задача, видимо, в том, чтобы найти формулу, которая могла бы вместить все многообразие идейно-эстетических явлений по существу антифеодалного, прогрессивно-буржуазного типа».⁵¹

В. Н. Баскакова в журнале «Русская литература» (1972, № 3, с. 232—242).

⁴⁶ Literatura rosyjska w zarysie. Pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka. Autorzy: Z. Barański, B. Galster, T. Kołakowski, A. Semczuk. Warszawa, 1975.

⁴⁷ Brown W. E. A history of Eighteenth century russian literature. London, 1979, 650 p., 36 ill.

⁴⁸ Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы. — В кн.: Современная советская историко-литературная наука. Актуальные вопросы. Л., 1975, с. 114—147. Эта статья положена Г. Н. Моисеевой в основу главы «Новые идеологические и художественные явления русской литературы первой четверти XVIII в.» первого тома четырехтомной академической «Истории русской литературы» (в печати).

⁴⁹ Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы, с. 129, 130.

⁵⁰ Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 232.

⁵¹ Шмидт Х. Когда же зародилась «новая» русская литература? — В кн.:

Хотелось бы отметить, однако, что в целом упомянутая выше статья Г. Н. Моисеевой «Проблемы становления новой русской литературы» представляется нам весьма интересной и важной. Так, ее автор приводит немало новых фактов, основанных на изучении рукописей, которые доказывают непрерывность литературной традиции.⁵² Описание ведущих жанров литературы Петровского времени — историографии и публицистики, стихотворства, повести, ораторской прозы — дается содержательно, сжато. Завершается очерк характеристикой Феофана Прокоповича как писателя раннего классицизма.

* * *

«Принято считать, что Петровская эпоха не выделила писателя, который отобразил бы характерные черты своего времени, — пишет Г. Н. Моисеева в одной из своих работ. — Такая точка зрения могла бы быть справедливой, если „вычлениить“ из историко-литературного процесса первых десятилетий XVIII в. творчество Феофана Прокоповича. Но „вычлениить“ его невозможно: оно неразрывно связано с эпохой и порождено ею».⁵³ Г. Н. Моисеева характеризует вклад «просветителя в рясе» в развитие отечественной ораторской прозы, поэзии, драматургии, историографии. «Значительную роль в формировании художественно-эстетической основы раннего русского классицизма», пишет она, «сыграли трактаты Феофана Прокоповича „De arte poetica“ («Поэтика») и „De arte rhetorica“ («Риторика»)».⁵⁴ В другой своей работе, посвященной национально-исторической теме в эпической поэме XVIII века, Г. Н. Моисеева исследует трехъязычную поэму Феофана Прокоповича «Епиникион» (1709).⁵⁵ Это первая героическая эпопея, сложившаяся «на перекрестке литературы и истории». Она посвящена герою Полтавской битвы Петру I и использует традиционные формулы древнерусской литературы. Опыт Прокоповича позднее использовали Кантемир и Ломоносов. В недавней своей работе Г. Н. Моисеева обратилась

Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. . . с. 175.

⁵² Еще раньше, в 60-е годы, об этом писала Л. И. Кулакова: «И нормативные указания, и общетеоретические положения „Поэтики“, равно как и „Риторики“ Феофана, были звеном, связывающим культуру средневековья и нового времени» (Кулакова Л. И. Очерк истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 13).

⁵³ Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы, с. 143.

⁵⁴ Там же, с. 146.

⁵⁵ Русская литература, 1974, № 4, с. 35—37.

к одному из исторических трудов Феофана и опубликовала его по рукописи.⁵⁶

О. Ф. Козлов атрибутирует Ф. Прокоповичу найденную им рукописную «Краткую историю священную и политическую о состоянии Синода по Древнему и Новому Завету».⁵⁷ Д. Мороз прослеживает судьбу книги Ф. Прокоповича «Разсуждение о кнзе Соломоновой, нарицаемой Песни песней».⁵⁸

Обобщающие работы о жизни и творчестве Феофана Прокоповича опубликовали в 70-е годы Х.-И. Хэргель,⁵⁹ В. М. Ничик,⁶⁰ Д. Крейкрафт,⁶¹ Л. А. Петров,⁶² А. Б. Просина,⁶³ Б. И. Краснобаев,⁶⁴ Е. А. Ляцкий.⁶⁵ Небольшие очерки о Феофане Прокоповиче вошли в состав двух библиографических словарей.⁶⁶

Социологические работы Л. А. Петрова отличаются методологической зрелостью

⁵⁶ Моисеева Г. Н. Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979, с. 37—48.

⁵⁷ Козлов О. Ф. Два неизвестных сочинения XVIII века о Синоде и монастырских доходах. — Советские архивы, 1972, № 3, с. 76—82.

⁵⁸ Мороз Д. За судьбой книги. — Неман, 1975, № 11, с. 191—192.

⁵⁹ H ä r t e l Н.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970.

⁶⁰ Ничик В. М. Феофан Прокопович. М., 1977. (Серия «Мыслители прошлого»).

⁶¹ S t r a c r a f t J. Feofan Prokopovich. — In: The Eighteenth century Russia. Ed. by J. G. Garrard. Oxford, 1973, p. 73—105.

⁶² Петров Л. А. Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII века. Лекции по спецкурсу «История русской философии». Иркутск, 1975.

⁶³ Просина А. Б. 1) Политическая доктрина Ф. Прокоповича. — В кн.: Актуальные проблемы правовой науки. Сборник аспирантских статей МГУ. М., 1970, с. 68—89; 2) Политическое учение Феофана Прокоповича, идеолога абсолютизма в России первой четверти XVIII в. Автореферат канд. дисс. М., 1971.

⁶⁴ В кн.: Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972.

⁶⁵ См.: Ляцкий Е. А. Исторический обзор русской литературы. Часть II. Русская литература XVIII века. — В кн.: Сборник за славистику, т. 8. Нови сад, 1975, с. 158—176.

⁶⁶ Русские писатели. Биобибл. словарь. Сост. Спасибенко А. П., Гайденов Н. М. Ред. колл.: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин. М., 1971, с. 107—110; Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Биобибл. словарь, т. I. Минск, 1976, с. 204—207.

и глубиной, логической строгостью и четкостью изложения. Рассматривая общественно-политические и философские взгляды Феофана Прокоповича, И. Посошкова, Д. Кантемира, В. Татищева, иркутский исследователь устанавливает три фактора, влиявших на их формирование: античность, западноевропейская и древнерусская культуры. Исследователь говорит о метафизическом характере мышления Феофана Прокоповича, Посошкова, Кантемира и Татищева, отмечает элементы деизма в их мировоззрении, находит просветительство и критику церковного обскурантизма.

А. Б. Просина показала, как Феофан сумел дать теоретическое обоснование реформам Петра.

Научно-популярная книга о Прокоповиче В. М. Ничик должна быть отмечена особо, так как она основана на тщательном изучении рукописного лекционного курса Ф. Прокоповича по философии, его речей, писем, документов. В. М. Ничик найдены списки малоизвестных и неизвестных сочинений Феофана, в том числе «Речи о пользе и заслугах физики» и «Реэстра государей российских от самого Рурика. . .», более десяти его стихотворений и множество писем, что позволило ей внести коррективы в понимание духовной культуры Петровского времени. Анализ философских взглядов Феофана ведется по следующим направлениям: «Элементы пантеизма и деизма в сочинениях Ф. Прокоповича», «Рационалистические тенденции в теории познания», «Теория просвещенного абсолютизма». «Произведения Прокоповича, — заключает В. М. Ничик, — отражают происходивший в отечественной философии процесс изменения значимости и субординации ее компонентов. Развитие производительных сил приводит к выдвиганию на первый план наук о природе. Природа становится важнейшим объектом философии». ⁶⁷ Так Феофан Прокопович закладывал основы натурфилософии, ведущей к стихийному материализму.

Еще более основательно и специально философские взгляды Феофана Прокоповича анализируются в сопоставлении со взглядами других воспитанников Киево-Могилянской академии — Гавриила Бужинского, Стефана Яворского и т. д. — в книге В. М. Ничик «Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в.», изданной Институтом философии АН УССР (Киев, 1978). В. М. Ничик совместно с М. Д. Роговичем публикует тексты четырех найденных ими в ЦНБ АН УССР в фонде Киевской духовной академии русских и латинских стихотворений Феофана Прокоповича, в том числе «Песню светскую» и «К требователю сатиры Г. С. А. К.». ⁶⁸ Сотрудники

Института философии АН УССР вносят немалый вклад в уточнение фактов биографии, научной и творческой деятельности Прокоповича. ⁶⁹ Ими же подготовлено и трехтомное издание философских сочинений Феофана в переводе на украинский язык, среди которых особый интерес представляет еще ни разу не издававшаяся на языках восточных славян «Риторика» Феофана Прокоповича. ⁷⁰ В предисловии к изданию, написанном М. Д. Роговичем, В. М. Ничик, Д. П. Кириком и И. В. Иваньо, подробно освещаются основные этапы жизни и деятельности Прокоповича-мыслителя, значительное внимание уделяется проблемам теории познания, логики и эстетики в его творчестве. Общественно-политические взгляды Феофана излагаются четко, ясно, убедительно.

Московский исследователь В. П. Вомперский в пятой главе своей книги «Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей» (М., 1970) анализирует стилистическую теорию Феофана, философской основой которой он считает картезианство. Литературно-эстетические взгляды писателя В. П. Вомперский ставит в связь с античной, западноевропейской и отечественной филологическими традициями.

Известно, что Феофан вместе с Бужинским пытались перенести на русскую почву украинско-белорусский опыт создания «простой мовы» — литературного языка юго-западной Руси. Вклад Феофана Прокоповича в развитие восточнославянских литературных языков подробно рассмотрен И. К. Белодедом, а несколько ранее — М. С. Грицаем и Ф. Я. Шоломом. ⁷¹

А. А. Смирнов характеризует «Поэтику» Прокоповича как высшее достижение русской эстетической мысли первой трети XVIII века. ⁷² В «Поэтике» нашла свое

⁶⁹ Філософська думка, 1970, №№ 3, 5, 6; 1971, № 1; 1975, № 2; 1978, №№ 1, 3.

⁷⁰ Феофан Прокопович. Філософські твори в трьох томах. Переклад з латинської мови. Том перший. Прориторичне мистецтво. . . різні сентенції. Ред. колегія: В. І. Шинкарук и др. Упорядники: М. Д. Рогович, В. М. Нічик. Київ, 1979.

⁷¹ Білодід І. К. Києво-Могилянська академія в історії Східнослов'янських літературних мов. (Нариси з історії української літературної мови). Київ, 1979; Грицай М. С., Шолом Ф. Я. Феофан Прокопович. — В кн.: Грицай М. С., Микитас В. Л., Шолом Ф. Я. Давня українська література. За ред. М. С. Грицай. Київ, 1978, с. 282—295.

⁷² Смирнов А. А. К проблеме соотношений русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии. Ф. Прокопович и Ю. Ц. Скалигер. — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященных памяти проф. А. Н. Соколова. М., 1971, с. 67—73.

⁶⁷ Ничик В. М. Феофан Прокопович, с. 175.

⁶⁸ Русская литература, 1976, № 2, с. 91—94.

творческое выражение идея литературного подражания. Сравнивая «Поэтику» Феофана с трактатом Ю.-Ц. Скалигера, А. А. Смирнов приходит к выводу, что Прокопович развивал теорию поэзии в системе понятий, намеченных поэтиками Возрождения. В современном учебнике по истории литературоведения также отмечено, что его «Риторика» и «Поэтика» — заметный вклад в развитие теоретико-литературной мысли России.⁷³

В. И. Федоров считает, что благодаря Феофану Прокоповичу русская эстетическая мысль находилась в русле магистральных путей общеевропейского процесса.⁷⁴ В «Поэтике» Феофана он усматривает отказ от средневековой схоластики и обращение к достижениям гуманистов (Скалигера и Види), к Аристотелю и Горацию, к рационалистам вроде Декарта. От поэзии Прокопович требует высокой нравственности; она должна поучать граждан и преподавать уроки государственной мудрости самим правителям — отсюда ее дидактизм. Поскольку главное содержание поэзии — изображение человека, она должна соответствовать своему высокому назначению и быть гуманистичной.

П. Н. Берков, как и В. П. Вомперский, А. А. Смирнов и В. И. Федоров, рассматривает Феофана в ряду поэтов-предклассицистов. Его «Ода Петру II» — первый случай применения эзоповского языка в поэтической практике.⁷⁵

Несколько исследований последнего времени были посвящены отношению Феофана к Дмитрию и Антиоху Кантемирам. В. П. Гребенюк сообщил о полемическом отклике Д. Кантемира на «Первое учение отрокам» Феофана Прокоповича (1720) — это рукописное сочинение «Темные места в Катихизисе, который безыменно на словенском языке издан. . .», сохранившееся на латинском и русском языках.⁷⁶ А. И. Бабий и В. М. Ничик остановились на фактах типологического сходства между Ф. Прокоповичем и Д. Кантемиром

как мыслителями и писателями.⁷⁷ Л. М. Копаница интересуют теоретические воззрения Феофана и Антиоха.⁷⁸ Он приходит к выводу, что Кантемир разделяет взгляды Феофана и развивает те же идеи о роли подражания и вымысла в художественном творчестве. И Прокопович и Кантемир восходили к Горацию и были близки по своим теоретическим воззрениям к Буало. О поэтическом взаимоотношении Феофана и Антиоха Кантемира в связи с посланием первого «Творцу сатиры „К уму своему“» писала А. П. Болдырева.⁷⁹

* * *

В 70-е годы вышло в свет немало работ, посвященных отдельным жанрам и произведениям литературы Петровской эпохи — ораторской прозе, драматургии, виршевому стихотворству, историческому повествованию, публицистике, повести, литературе путешествий и мемуарам, агиографии, гимнографии и легендарным сказаниям, а также пародии и сатире. За недостатком места мы остановимся только на изучении повести.

Московская исследовательница Н. А. Бакланова рассмотрела важный и малоизученный вопрос об эволюции русской оригинальной повести на рубеже XVII—XVIII веков.⁸⁰ Эта статья — продолжение предыдущих работ московской исследовательницы, в которых она выдвинула обоснованные предположения о датировке XVIII веком трех традиционно относимых к XVII веку повестей — о Савве Грудцыне, о Фроле Скобееве, «Романа в стихах» (см.: ТОДРЛ, тт. IX, XIII, XVI). Пользуясь термином «бытовая повесть», широко распространенным в науке, Н. А. Бакланова тем самым разделяет господствующее мнение о том, что повествовательные произведения совершенно разного жанрового характера можно объединять в одном поэтическом ряду. Считается, что «бытовая повесть» запечатлела разные стороны частной и

⁷³ Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л. История русского литературоведения. Под ред. П. А. Николаева. М., 1980 (автор раздела о Прокоповиче — А. С. Курилов).

⁷⁴ Федоров В. И. «Поэтика» Феофана Прокоповича. (Из истории русской эстетической мысли кануна формирования классицизма). — Учен. зап. Московск. пед. ин-та, 1971, т. 455, кафедра русской литературы, с. 302—311.

⁷⁵ Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.). — В кн.: Проблемы теории и истории литературы, с. 74—82.

⁷⁶ Гребенюк В. П. Д. Кантемир и Ф. Прокопович. Литературная полемика. — В кн.: Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976, с. 174—181.

⁷⁷ Бабий А. И., Ничик В. М. Д. Кантемир и Ф. Прокопович. — В кн.: Идеи связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII—XVIII вв.). Киев, 1978, с. 115—135.

⁷⁸ Копаница Л. М. Про деякі питання поезики (наслідуювання, вимисел, теорія трьох стилів у теоретико-літературній спадщині Феофана Прокоповича і Антиоха Кантемира). — Вісник Київського університету. Українська філологія, вип. 21. Київ, 1979, с. 62—68.

⁷⁹ Болдырева А. П. Методические указания к комментированному чтению произведений по курсу «Русская литература XVIII века». М., 1972, с. 10—14.

⁸⁰ Бакланова Н. А. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.), с. 160—170.

общественной жизни человека в переходный период. В ней отразилась борьба «старинны» и «новизны» в сознании людей, в морали, в быту. Все это так. Однако жанрово-композиционные и стилиевые признаки трех названных выше произведений абсолютно различны. Повесть о Савве Грудцыне разрабатывает сюжет о приключениях молодого купеческого сына, вступившего в союз с дьяволом, но освобожденного богородицей и спасенного ею; она вырастает из «Чуда Василия Великого о прельщенном отроке Евладии». Повесть о Фроле Скобееве — плутовская новелла о похождениях незнатного новгородского дворянина, за «семь рублей» устроившего свое благополучие. «Роман в стихах» — отрывок стихотворного произведения, написанного в форме азбучника и рассказывающего о дочери московского зажиточного горожанина, полюбившей бедняка. В ряду «бытовых повестей» Н. А. Бакланова рассматривает и «Повесть о Горе-Злочастии», и петровские любовно-авантюрные повести — произведения совершенно разные, что лишний раз подтверждает неудобство, неправомерность обозначения термином «бытовая повесть» резко отграниченных друг от друга произведений. Особенностью указанных повестей Н. А. Бакланова считает переход от абстракции, фантастики и церковности к конкретному, практическому, светскому; в языке повестей появляется новая терминология и иностранные слова.

Своеобразным продолжением работ Н. А. Баклановой о повести о Фроле Скобееве следует считать статью Ю. К. Бегунова «Повесть о Фроле Скобееве и литературное движение первой четверти XVIII в.» (в кн.: Сборник статей, посвященных памяти проф. Карло Вердиани. Пиза, 1979, с. 11—32). Датировка повести до сих пор затруднялась тем, что нередко смешивались два вопроса: 1) о событиях какого времени рассказывается в повести; 2) когда была написана сама повесть. Ясно, что действие в повести соотносится с 1680 годом. Между тем в ее тексте есть анахронизмы («соборы на Ивановской площади», «переодевание в „лакейское платье“», «деньги и цены»), а также заимствованная лексика Петровской эпохи. Удалось установить, что слово «публикация» и словосочетания «лакейское платье», «учинить публику» не были известны языку XVII века.⁸¹

⁸¹ Эти три слова присущи авторскому тексту. Еще в 1972—1973 годах мною была изучена вся история произведения по 9 рукописным текстам и подготовлено полное критическое издание повести. По наблюдениям Н. А. Баклановой, также не были известны допетровской России три технических военных термина, встречающихся в повести о Савве Грудцыне: «кэзерция», «команда», «воинский артикул». Вопрос о датировке этой повести остается открытым (см.: Роман

Нашей датировке не противоречит общепринятая историко-литературная характеристика «Повести» как видного произведения литературы, находящегося как бы на грани двух веков. Она примыкает к петровским повестям; их сближает общее отношение к новому и старому в жизни, новый тип человека, противостоящий герою древнерусских повестей, иное, чем в древнерусской литературе, отношение к женщине, полное господство светского начала над церковным, беллетристики над дидактикой, практицизма над фантастикой. Есть и отличия. Петровская повесть — произведение любовно-авантюрное, повесть о Фроле Скобееве — плутовская новелла.

Также началом XVIII века датирует эту повесть историк культуры Б. И. Краснобаев.⁸² Полный отказ от провинциализма в искусстве и литературе и поворот к стихийному рационалистическому мировоззрению представляются Б. И. Краснобаеву важнейшей чертой Петровской эпохи.⁸³

Эволюция русской бытовой повести посвятила свою книгу чехословацкая исследовательница Э. Фойтикова.⁸⁴ Уже названия глав книги свидетельствуют о размахе, с которым подана проблема: «Место бытовой повести в историографии русской литературы», «Начало нового времени в России», «Принципы изображения человека в русской бытовой повести», «Бытовая повесть и реализм», «Бытовая повесть как литературный жанр». Еще в дореволюционной науке Е. В. Петухов, В. А. Келтуяла, М. Н. Сперанский выделяли повесть второй половины XVII—начала XVIII века из массы разнообразных древнерусских повестей. Характерной чертой этих произведений был бытовизм. М. О. Скрипилев пытался дать «бытовой повести» жанровое определение. В литературоведческих трудах появилось понятие «стиль бытового реализма» (см.: Скрипилев М. О. Опыт изучения древнерусской историко-бытовой повести. Докт. дис., Л., 1944).

Э. Фойтикова изучает «бытовую повесть» в трех аспектах — с точки зрения принципов изображения человека, в соотношении рассматриваемых произведе-

дановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть. (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.). — ТОДРЛ, т. XXXIII, 1979, с. 166).

⁸² Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры. — Вопросы истории, 1976, № 9, с. 106 (то же в кн.: Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века, с. 134—136).

⁸³ Там же, с. 105—108.

⁸⁴ Фойтикова Э. Русская бытовая повесть накануне нового времени. Прага, 1977.

ний с реализмом, в плане развития жанров. В отношении первого аспекта Э. Фойткова приходит к выводу: «Старорусская бытовая повесть не создала и не знает какого-нибудь единого, для нее одной характерного способа изображения человека, а сочетает разные способы изображения, что вытекает из переходного, промежуточного положения на пути от церковно-назидательной к светской повествовательной литературе. . .» (с. 88). Касательно второго аспекта автор констатирует, что бытовизм не есть реализм, так как изображение небольших сцен, эпизодов из повседневной жизни простых людей еще не означало жизненной верности воспроизведения характеров персонажей в их связи с обстоятельствами социальной жизни. «Социальный человек» был вне поля зрения русской литературы XVII—начала XVIII века, а накопление элементов реализма в изображении людей еще не вело к рождению реалистического метода. По поводу третьего аспекта автор признает, что «общность бытовых повестей не есть общность собственно литературная» (с. 125), т. е. что они не составляют единого жанра. Отсюда и попытка чешской исследовательницы разбить все произведения не по жанровым признакам, а по идейно-тематическому принципу: «спор отцов и детей», «герой нашего времени», «борьба за эмансипацию личности». Весьма спорным выглядит утверждение автора, что «с точки зрения реализма и направленности литературы к злободневным общественным вопросам повесть Петровского времени по сравнению с предшествующими ей бытовыми повестями является шагом назад» (с. 124). Не вполне ясно, какие именно «бытовые повести» здесь имеются в виду: если о Фроле Скобееве, о Савве Грудцыне и «Роман в стихах», то их датировка XVII веком представляется нам сомнительной, а если же имеется в виду «Повесть о Горе-Злочастии», то один провиденциализм последней чего стоит! (Правда, язык, стиль и композиция этого произведения безупречны, и петровские повести в этом отношении ей явно уступают).

Н. С. Демкова успешно занимается повестью конца XVII—начала XVIII века, зависящими от древнерусской традиции. Среди них «Повесть об ангеле, послушавшемся бога», направленная против духовенства.⁸⁵ Интересны в повести поиски решения вопроса о справедливости «судов господних», что связывает произведение с умонастроениями демократической части общества в переходную эпоху. Н. С. Демкова и З. П. Семякина изучили историю

текста повести по 5 спискам и вводят ее в научный оборот. Другая повесть — «О убогом человеке, како ево дьявол произведе царем».⁸⁶ Она рассказывает о заключении убогим человеком договора с дьяволом; тот помогает ему стать купцом, вельможей и, наконец, царем. Когда же дьявол приходит за расплатой, царь покаянием спасает свою душу. Это аналог повести о Савве Грудцыне. Еще М. Н. Сперанский относил это произведение к мелкой беллетристике новой традиции вроде анекдотов или фацеций. Публикуется текст этой повести по рукописи XVIII века (ИРЛИ, собр. В. В. Лукьянова, № 12).

Третье произведение — «Повесть о царе и мельнике», рассказывающая о состязании в мудрости переодетого героя с царем. Она исследована и издана по рукописи ГПБ (собр. А. А. Титова, № 2670) Н. С. Демковой и Н. М. Герасимовой,⁸⁷ которые отмечают: «Повесть представляет собой любопытный факт жизни сюжета, интересный не только для изучения проблемы живого бытования фольклорной сказки до периода ее научного собирания, но и для понимания тех путей, которыми шло взаимодействие устных и письменных пластов культуры».⁸⁸

Подобных произведений еще очень много, большинство из них не издано и не изучено. Когда наука накопит о них значительный материал, наши представления о повествовательной литературе Петровского времени могут значительно расширяться. На необходимость изучения европейских источников подобных повестей обращает внимание Е. К. Ромодановская.⁸⁹ Попутно она относит к концу XVII—началу XVIII века «Повесть о королевиче Валтасаре» и «Сказание о богатом купце». К этому же периоду можно отнести повести: о царе Василии Константиновиче, о кипрском королевиче Велиаме,⁹⁰ о Василии Златовласом,⁹¹ о Карпе Сутулове, о португальских и бранденбургских мудрецах и, может быть,

⁸⁶ Демкова Н. С. Повесть о убогом человеке, како ево дьявол произведе царем. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976, с. 38—40.

⁸⁷ Демкова Н. С., Герасимова Н. М. Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем. — ТОДРЛ, т. XXIII, 1979, с. 364—368.

⁸⁸ Там же, с. 367.

⁸⁹ Ромодановская Е. К. Указ. соч.

⁹⁰ Белоброва О. А. Повесть о королевиче кипрском Велиаме. — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, с. 259—267. Здесь опубликован и текст повести по рукописи ГИМ (собр. И. Е. Забелина, № 498).

⁹¹ Бударгин В. П. О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, с. 268—275.

⁸⁵ Демкова Н. С., Семякина З. П. «Повесть об ангеле, послушавшемся бога». (Из истории русской повести конца XVII—начала XVIII века). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.), с. 128—159.

повесть об Иване Пономаревиче. Отметим и богатырские повести начала XVIII века — книжные переложения русских былин: «Гисторию» об Илье Муромце, переводные повести старой древнерусской и новой (польско-украинской и немецкой) традиции (среди последних — «Гистория» о Долторне, об Индрике и Меленде, о Евдоне и Берфе и мн. др.).

Продолжается и исследование петровских повестей. Г. Н. Моисеева обратила внимание на роль переводных рукописных курантов XVII века в формировании литературного стиля повестей начала XVIII века.⁹² Заимствуется не только фразеология, выражающая любовные чувства героев, но и фактические сведения по истории западноевропейских стран. Активную роль здесь играли переводчики Посольского приказа и служащие Разрядной канцелярии. Три петровские повести — о матросе Василии, о кавалере Александре и о шляхетском сыне — Г. Н. Моисеева рассматривает как новый тип русского сюжетного повествования, отличающегося «господством светского начала», «утверждением земной жизни», «глубоким раскрытием духовного богатства и реальной мощи человека».⁹³

В. А. Михельсон сравнил «Гисторию Российского матроса Василия» с романом голландского пирата А. О. Эксвелелина «Пираты Америки» (1678).⁹⁴ Это сравнение говорит в пользу русского произведения: оно отличается богатством самобытных красок и своеобразием сюжета. В. А. Михельсон предполагает, что русская повесть написана с позиций гуманизма в полемике с колониальной западноевропейской прозой.

А. А. Михалина в дополнение к трем известным петровским повестям — о Василии, об Александре, о шляхетском сыне — называет еще четвертую — «Гисторию о Франце Мемзонзилиусе».⁹⁵ Новосибирская студентка датирует повесть 1707—1714 годами, однако аргументов

в пользу этой датировки не приводит.⁹⁶ В центре ее внимания — сказочность, занимательность «Гистории», воспроизводящей структуру волшебной сказки. Любопытно и даваемое А. А. Михалиной объяснение имени героя: «Стремящийся с угодием к браку». Многообещающим выглядит и намерение издать текст повести по рукописи ГПНТБ (собр. М. Н. Тихомирова, № 365) как наиболее близкой к недошедшему до нас авторскому тексту.⁹⁷

З. Т. Лихтман интересуется история сюжета «украденная жена» в польской и русской литературе XVII века.⁹⁸ К польскому источнику восходит и повесть «О португальской королеве Анне и о гишпанском королевиче Александре» и «О короле Делфе Сирском», продолжившие в литературе 20—50-х годов XVIII века традицию петровских повестей. Эту традицию развивают и рукописные повести об Александре и Вене, об Анне и Александре, об Архилабоне (1750), о Декоронии и Елизавете, о Карле и Софии, о Леопольде и Маргарите, о Ярополе и мн. др.

Число петровских повестей еще будет уточняться. К первой трети XVIII века, вероятно, относятся «Гистория о французском сыне»⁹⁹ и найденная нами недавно и подготовленная к публикации «Повесть об Евграфе и Александре». Явно примыкает к петровским повестям «История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре».¹⁰⁰

Среди повествовательной литературы Петровского времени были и переводные повести. Часто издавались различные редакции собраний басен Эзопа — в переводе с латинского И. Копиевского (1699, 1700, 1712, 1717), в переводе с немецкого А. Виниуса (1712), в переводе с польского Ф. Гозвинского (1712 и 1717).¹⁰¹ «Троян-

⁹² Моисеева Г. Н. О формировании стиля русских повестей первой трети XVIII века. (Роль переводных курантов XVII века). — В кн.: XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 82—86.

⁹³ Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы, с. 141—143.

⁹⁴ Михельсон В. А. «Гистория Российского матроса Василия» и пиратская повесть XVII века. — В кн.: Морская тема в литературе. Краснодар, 1976, с. 3—17. (Научн. тр. Кубанск. ун-та, вып. 231).

⁹⁵ Михалина А. А. «Гистория о Франце Мемзонзилиусе» и ее отношение к фольклору. — В кн.: Студент и научно-технический прогресс. Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции. Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977, с. 125—135.

⁹⁶ М. В. Николаева датировала это произведение 20-ми годами XVIII века. См.: Николаева М. В. Повесть о Франце Имензолиусе Гишпанском. Из истории рукописной литературы XVIII в. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1959, т. 198, кафедра русской литературы, с. 3—25.

⁹⁷ Текст «Гистории» до сих пор издан не был и в известной книге Г. Н. Моисеевой «Русские повести первой трети XVIII в.» не рассматривался.

⁹⁸ Лихтман З. Т. Из истории одного сюжета. (Повесть об украденной жене). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 243—264.

⁹⁹ Издание текста С. Ф. Елеонским см.: ЧОИДР, 1915, кн. 3, отд. III, с. 13—39.

¹⁰⁰ Издание текста см. в кн.: Сипский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, с. 242—253.

¹⁰¹ Тарковский Р. Б. Эстетическая ассимиляция басенного жанра. (Повествовательные редакции первого пере-

ская война» Гвидо де Колумна издавалась 3 раза (1709, 1712, 1717),¹⁰² «Апофегаматы» Беньяша Будного — 5 раз (1711, 1712, 1716, 1716, 1723).¹⁰³ В рукописных списках имели хождение многочисленные повести, переведенные с польского и немецкого языков, и целые сборники вроде «Великого зеркала», «Римских деяний», «Фапцеций» или «жарт польских». ¹⁰⁴ Среди переводных повестей отметим очень интересную и малоизученную «Повесть о болгарской царевне Персике», переведенную в 1720 году в Москве с латинского языка Иерофеем Иосифовичем.¹⁰⁵

Первая четверть XVIII века была временем расцвета русской повести, которая существовала во многих формах, старых и новых, что свидетельствовало о творческой активности российских прозаиков. Изучение русских повестей переходного периода еще только начинается. Интенсивные разыскания в архивохранилищах, библиотеках и музеях обещают находки новых повестей. Большинство их не издано, нет и антологии повестей этого периода. Создание такой антологии — задача будущего.

* * *

В настоящее время существуют три различные характеристики господствующего стиля или направления литературы Петровской эпохи: предклассицизм (П. Н. Берков),¹⁰⁶ барокко (Л. В. Пум-

пянский, Д. Чижевский, А. А. Морозов, Д. С. Лихачев, С. Матхаузерова, И. А. Чернов, А. М. Панченко и др.),¹⁰⁷ «панегирический стиль» (К. В. Пигарев).¹⁰⁸

Л. В. Пумпянский первый у нас применительно к русской литературе конца XVII—начала XVIII века употребил (осторожно!) термин барокко.¹⁰⁹ Благодаря А. А. Морозову ¹¹⁰ термин «барокко»

цизма начала века, безусловно, явился Феофан Прокопович» (Орлов О. В., Федоров В. И. Указ. соч., с. 43).

¹⁰⁷ Обзоры и библиографию литературы по вопросу о русском барокко см.: Виссела J. The problems of baroque in russian literature. — Russian review (Hanover), vol. 31, 1973, № 3, p. 260—274; Segel H. B. Baroque and rococo in eighteenth century Russian literature. — Canadian slavonic papers (Ottawa), vol. 15, 1973, № 4, p. 556—565; Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. (Спецкурс). I. Барокко. Литература. Литературоведение. Тарту, 1976, с. 172—185; Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979; Морозов А. А. Извечная константа или исторический стиль? — Русская литература, 1979, № 3, с. 81—89. Любопытно отметить, что известную сдержанность в отношении применения термина «барокко» к русской литературе Петровского времени проявили В. Д. Кузьмина и Ю. М. Лотман («Československá rusistika», 1968, № 1). См. также: Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры, вып. 1—2. Тарту, 1970—1973.

¹⁰⁸ «Главенствующим признаком этого „стиля эпохи“ была панегиричность во всех ее проявлениях, — пишет К. В. Пигарев. — Основой для такого „синтеза искусств“ служила теперь уже не религиозно-церковная идеология и связанные с нею внешние формы культа, как в Древней Руси, но вполне „секуляризованное“ мирское сознание, подчиненное задачам пропаганды военных побед и преобразовательной политике абсолютизма. Единству стиля способствовали такие факторы, как эстетическая неразвитость нового русского общества, отсутствие оформившихся художественных направлений и как следствие этого отсутствие индивидуальных творческих стилей» (Пигарев К. В. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в России (XVIII—первая треть XIX в.). — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. . . с. 184).

¹⁰⁹ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. — В кн.: Западный сборник, I. М.—Л., 1937, с. 160.

¹¹⁰ Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения). — Русская литература, 1962, № 3, с. 3—38.

вода Эзопа). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.), с. 228.

¹⁰² Это древнерусский перевод, отредактированный, как установил О. В. Творогов, в 1672 году Ф. И. Злобиным (см.: Творогов О. В. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, с. 64—71).

¹⁰³ Лужный Р. Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения. — В кн.: XVIII век, сб. 10, с. 182.

¹⁰⁴ См., например: Андрианова-Перетц В. П. Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 10, с. 12—17.

¹⁰⁵ См.: Малышев В. И. А не связано ли с Ломоносовым? — Правда Севера (Архангельск), 1973, 4 марта, с. 4.

¹⁰⁶ Солидаризируясь с П. Н. Берковым, авторы вузовского учебника «Русская литература XVIII века» О. В. Орлов и В. И. Федоров пишут следующее: «. . . литература первых трех десятилетий XVIII века, представляя собой пеструю смесь различных стилевых тенденций, или течений, несомненно, обладает вместе с тем некоторым идейным и стилистическим единством. Эта литература находится в очевидном родстве со своей преемницей — литературой классицизма. Наиболее характерной фигурой предкласси-

по отношению к русской литературе второй половины XVII века и Петровского времени постепенно закрепился и сейчас становится общепризнанным. Все более привычной становится и схема «Ренессанс—барокко—классицизм», где русский Ренессанс, точнее, «несостоявшийся Ренессанс» или «замедленный Ренессанс» отождествляется с литературой и культурой двух абсолютно противоположных в истории русской литературы веков — XVI и XVII. Здесь первый, XVI век принадлежит литературе средневекового восточнославянского типа, а второй, XVII век относится к типу литературы, переходному от Средневековья к новому времени.

Что касается содержания и применения термина «барокко», то среди исследователей нет единства: одни говорят, что это стиль, другие — что это «эпоха», третьи — что это творческий метод.¹¹¹ А. М. Панченко категорически утверждает, например, что Петровское время — это второй этап «эпохи барокко» (подразумевается, что первый прошел во второй половине XVII века).¹¹² Много пишут о писательском типе барокко,¹¹³ об эмблематике барокко в драматургии,¹¹⁴ об отдельных идеях барокко во всех или только некоторых произведениях Петровского времени и т. п. К барокко относят и такого, например, писателя-предклассициста, как Феофан Прокопович, хотя он явно не укладывается в прокрустово ложе умеренного варианта русского барокко: уже в 1706 году Феофан в «Поэтике» изложил принципы классицизма, отвергая барокко. Громадное богатство литературных фактов, явлений, событий Петровской эпохи подчас сводится к одному, одевается в униформу. Как здесь не вспомнить слова П. Н. Беркова: «При рассмотрении вопроса об усвоении новых литературных материалов, эстетических

концепций и т. д., всего того, что отобрали русские писатели переходного периода из общего фонда литературных достижений европейских народов, с неизбежностью встает вопрос — как быть с пресловутым барокко? Несомненно, в ряде литератур Европы конца XVII — начала XVIII в. существовало барокко. Но так ли безраздельно и бесспорно было его господство? Конечно, если совершать во имя торжества придуманной схемы насилие над фактами и объявлять французский классицизм формой общеевропейского барокко, если Шекспира и Сервантеса, с одной стороны, и протопопа Аввакума и Паисия Величковского — с другой, также признавать „представителями барокко“, то нетрудно и всю русскую литературу переходного периода покрасить в пестрые цвета всеобъемлющего барокко — и это сделать тем легче, чем труднее заняться установлением того, что получилось из органического синтеза сохранившихся разделов древнерусской литературной традиции и отобранных из европейского фонда новых литературных традиций».¹¹⁵

Задача, поставленная П. Н. Берковым, еще никем, к сожалению, не выполнена. Некоторые пути к ее осуществлению намечены в статье В. А. Западова «Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века». Он пишет: «...если говорить о художественном методе, то уже в 1705 г. Феофан Прокопович теоретически отвергает принципы барокко, окончательно зачеркнутые ломоносовской „Риторикой“ и „Двумя эпистолами“ Сумарокова в 1748 г. В 1730—1740-х гг. приходит конец силлабике в русской светской поэзии. Параллельно идет процесс рождения нового. С 1705 г., сначала теоретически, а затем и в художественной практике писателей, все более и более вызревают контуры русского классицизма, который как зрелый русский просветительский классицизм окончательно формируется в 40—50-е гг. в творчестве Ломоносова и Сумарокова».¹¹⁶ Ту же мысль В. А. Западов повторил в примечаниях к своей хрестоматии: «...трактат Феофана заложил основы теории русской литературы нового времени; автор отстаивает основные принципы того направления, которое в XIX в. получило наименование классицизма».¹¹⁷

Точку зрения В. А. Западова поддерживает В. И. Федоров в книге «Литературные направления в русской лите-

¹¹¹ Н. И. Прокофьев предложил различать «барокко» как творческий метод, стиль, литературное направление и как тип художественного творчества (см.: Прокофьев Н. И. О некоторыхgnoseологических особенностях литературы русского барокко. — В кн.: Проблемы жанра и стиля в русской литературе. М., 1973, с. 3—16).

¹¹² Панченко А. М. Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXII, 1977, с. 100—106.

¹¹³ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху. — В кн.: XVIII век, сб. 9. Л., 1974, с. 112—128.

¹¹⁴ Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 184—226; Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко. — В кн.: Славянское барокко... с. 13—38.

¹¹⁵ Берков П. Н. Задачи изучения переходного периода русской литературы, с. 18.

¹¹⁶ В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века, вып. 2, с. 98.

¹¹⁷ Русская литература XVIII века. 1700—1775. Хрестоматия. Сост. В. А. Западов. М., 1979, с. 423.

ратуре XVIII века» (М., 1979). Он показывает, как в Петровскую эпоху складывались идейно-философские основы классицизма. «Настроения „бухтанного“ XVII века, наполненного социальными взрывами и потрясениями, — пишет В. И. Федоров, — в сознании передовых русских людей должны были уступить место новой складывающейся государственности абсолютизма, основанной на „разумных“ началах, на утверждении превыше всего „общего блага“, „всеобщей пользы“... С осознанием прогрессивных сторон реформ Петровской эпохи неразрывно связана проблема гражданского долга в литературе, столь характерная для русского классицизма». 118

Эстетический идеал Петровской эпохи находит свое воплощение в творчестве писателя-патриота Феофана Прокоповича, особенно в его теоретических трудах в области поэзии и красноречия. «...Его литературно-эстетические взгляды, — утверждает В. И. Федоров, — во многом готовили и эстетику, и практику будущего русского классицизма». 119

В ряде своих работ Д. С. Лихачев повторяет такую мысль: «В так называемую Петровскую эпоху, занятую ускоренным развитием экономики и государственности, было „не до литературы“». Петровская эпоха представляет собой в известной мере задержку в развитии русской литературы, но со второй трети XVIII в. усвоение опыта передовых западноевропейских литератур начинает совершаться интенсивно, и именно с этого периода можно считать окончательно утвердившимся новый период русской литературы». 120 Эту мысль подхватывает А. М. Панченко. Он пишет: «Итак, при Петре производство вещей потеснило производство слов. Означало ли это упадок литературы? В известном смысле — да. Естественным было ухудшение стиля, макаронизм, избытие варваризмов; все это связано с необходимостью называть и описывать все новые и новые вещи. Динамический мир, находящийся в процессе стремительной трансформации, описывался ковульсивным стилем». 121 С этим невозможно согласиться. Да, «при Петре Россия произвела множество новых для нее вещей — корабли, театры и библиотеки, Академию наук, Кунсткамеру, парки и парковую скульп-

туру; она произвела новые одежды, новые манеры, новый стиль общения; она произвела даже новую столицу». 122 Но вслед за производством «вещей» неизбежно следовало производство «слов». Новые «вещи» находили себе защитников в новых «словах» — в многочисленных литературных произведениях. Даже из нашего обзора видно, сколь велика и разнообразна была литература Петровского времени. Поэтому мы не можем согласиться с А. М. Панченко в том, что «в культурной иерархии слово уступило место вещи» и что «на первом этапе барокко динамизм трактовался как производство слов, на втором — как производство вещей». 123 «Слово» по-прежнему сопровождало «вещь», и от производства «вещей» и возрастания значения «вещи» оно не стало менее значимым и не слилось с «вещью». Если бы это было так, то литература прекратилась бы, Феофана Прокоповича просто не было бы, а Антиох Кантемир начал бы на пустом месте.

Неоправданным нам представляется и мнение А. М. Панченко об «ухудшении стиля» в Петровскую эпоху. Изобилие варваризмов вовсе не вело к макаронизму: иностранные слова в петровских повестях употреблялись всерьез, без малейших элементов иронии или сатиры. Конечно, только глубокое сопоставление стилей литературы XVII и первой четверти XVIII века может дать окончательный ответ. Но думается, что ответ будет не в пользу XVII века. Да, в Петровскую эпоху не было протопона Аввакума с его «Житием», но был Феофан Прокопович с его «Поэтикой» и «Риторикой», с трагедокомедией «Владимир», каждое из которых имело значение художественных открытий. В одной из своих работ Г. Н. Моисеева говорит не о «замедленном», а об «ускоренном» развитии литературы: «В „ускоренном“ развитии русской литературы XVIII в. Петровская эпоха занимает важное место. Проникнутые просветительскими тенденциями реформы первых десятилетий XVIII в. утверждали целиком светское мировоззрение, в котором живо ощущаются веяния Возрождения с его верой в человека, в его творческие возможности. В первые десятилетия XVIII в. русская литература вступила в тесный контакт с передовой западноевропейской наукой и культурой и тем самым вовлекалась в орбиту мирового литературного процесса, сохранив присущее ей национальное своеобразие». 124 Об ускоренном развитии и решении литературой XVIII века коренных возрожденческих проблем пишет также Г. П. Макого-

118 Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979, с. 21.

119 Там же, с. 19.

120 Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 243; Лихачев В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность, с. 104.

121 Панченко А. М. Два этапа русского барокко, с. 106.

122 Там же, с. 105.

123 Там же.

124 Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы, с. 147.

ненко.¹²⁵ Однако литературы Петровской эпохи он да и Е. Н. Купреянова в этом труде не касаются; лишь вскользь говорится о воздействии на оды Ломо-

¹²⁵ См.: Купреянова Е. Н., Макгоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976, с. 98 и след.

носова похвальных слов Прокоповича.¹²⁶ Выключение Петровской эпохи из проблемы становления национального своеобразия русской литературы ничем не оправдано. Видно, еще не пришло время построить типологическую модель раннего классицизма в литературе Петровской эпохи. Но оно непременно придет.

¹²⁶ Там же, с. 96—97.